

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воспоминания	9
Глава 1. А что это я здесь делаю?	11
Глава 2. Девять книжек	15
Глава 3. Мама и радио	17
Глава 4. Дом там, где друзья.....	29
Глава 5. Бейсбол, девчонки и чувства.....	46
Глава 6. Привет, Майами, прощай, Ямайка.....	58
Глава 7. Джеки и Фрэнк	71
Глава 8. 1960-е	83
Глава 9. Проблемы.....	99
Глава 10. Нужный момент	115
Глава 11. Тед.....	128
Глава 12. У тебя сдох хорек	142
Глава 13. Дебаты.....	157
Глава 14. О. Джей.....	171
Глава 15. Младший	182
Глава 16. Жена	194
Глава 17. Секс и рождение.....	207
Глава 18. Президенты	216
Глава 19. Все сгодится.....	231
Глава 20. Пожалуйста, ваши вопросы.....	239
Глава 21. Квеллинг	259
Глава 22. Исцеление	269
Глава 23. Одна жизнь в день.....	272
Глава 24. Соня.....	282
Благодарности	288

*Нет большей радости, чем отцовство, благодаря тому,
что оно дает. Мне оно дало Энди, Ларри-младшего, Хаю, Чанса
и Кэннона. В них моя жизнь*

ВОСПОМИНАНИЯ

Странная вещь — воспоминания. Бывает, помнишь то, что случилось с тобой полвека назад, но при этом забываешь, где вчера обедал.

И главное — чем дольше живешь, тем больше у тебя воспоминаний. Так что вполне логично, что у человека в тридцать лет память лучше, чем в семьдесят пять. У меня больше семидесяти пяти лет воспоминаний. Вчера к ним прибавился еще один день. Сегодня добавится новый.

Иногда воспоминания можно оживить фотографиями. Но порой они сами превращаются в воспоминания. Однажды с Джоном Кеннеди-младшим мы разговаривали о его знаменитой детской фотографии, на которой он, трехлетний, отдает честь на похоронах своего отца. Он не помнил, как это было в действительности, он помнил только фотографию. Он видел ее не раз на протяжении своей жизни. И фотография превратилась в воспоминание.

Рассказы, как и фотокарточки, тоже могут консервировать воспоминания. Правда, порой могут и подправлять их. Рассказывая какую-нибудь историю из жизни, вы обязательно подправляете реальные события. А как же иначе? Вы можете забыть, какая в точности фраза прозвучала, и заменяете ее другой, придуманной вами, которая может оказаться более остроумной. И если ваша история вызывает у слушателей смех, вы используете эту фразу и в следующий раз, вновь рассказывая ту же историю. И через какое-то время ваш вариант рассказа становится единственным и так сохраняется в памяти.

И вероятно, мои воспоминания, изложенные в этой книге, не соответствуют в точности тому, как происходила моя жизнь. Многие из них приправлены шуткой. Однако по сути здесь все верно.

Иногда я расстраиваюсь из-за того, что не могу чего-то вспомнить. Как в том анекдоте: «Я только что прочел замечательную книгу “Десять шагов к идеальной памяти”, ее написал... ну этот, как его...»

Но вот шутки и забавные случаи я не забываю никогда. Мое чувство юмора пока мне не изменяет. Я помню все, над чем смеялся, даже в детстве. И мне кажется, что именно шутки и забавные случаи я буду помнить до самого конца, даже если забуду все остальное.

Если вы знаете меня только по телепрограммам CNN, вас это, наверное, удивляет. Но если бы я не занялся тележурналистикой, то, скорее всего, стал бы комиком. До сих пор я получаю больше всего удовольствия, если мне удастся кого-то рассмешить.

Воспоминания — это все, что у нас есть. Если их потерять, останешься ни с чем. Но самые лучшие из них — те, что тронуты шуткой.

Эта книга не ограничивается только моими воспоминаниями. Здесь есть и воспоминания моих родных и друзей — тех, кто знает меня лучше всего. И в них наверняка окажется что-то такое, чего я никогда не сказал бы о себе сам. Но для полноты образа они необходимы. Я не буду заглядывать в них, пока книга не выйдет в свет. Мне не хочется никого редактировать и диктовать людям, что говорить.

Как ни забавно, не исключено, что когда я открою книгу, то буду удивлен не меньше вашего.

Глава 1

А ЧТО ЭТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?

Если бы вам пришлось сживать со мной за завтраком в Nate 'n Al Deli, вы бы взглянули на меня совсем другими глазами. Во-первых, туда я прихожу без подтяжек. Во-вторых, вы бы узнали, что я ненавижу яйца. А в-третьих, вам бы пришлось представить меня в багажнике автомобиля, поскольку рано или поздно всплыла бы история об «интервью века».

Это произошло не так давно. В моем шоу был один продюсер — назову его Боб. В общем, неплохой парень, но чересчур импульсивный. Как-то ему позвонила какая-то шишка из CNN International:

«Боб! Намечается нечто невероятное!»

Боб сразу заволновался:

«Что? Что? Что такое?»

«Есть возможность взять интервью у Усамы бен Ладена».

«Ни хрена себе!»

Реакцию Боба можно понять. Спецслужбы США пытались найти бен Ладена с 11 сентября 2001 года. Трудно было придумать более удивительное телеинтервью, разве что встречу с инопланетянами.

«Нужно будет выехать в Пакистан».

Боб чуть не задохнулся от волнения.

«Но интервью состоится при определенных условиях. Вы с Ларри полетите в отдаленный район. Съемочной группы с вами не будет. Мы не имеем права привозить свое оборудование. Они предоставят нам съемочную группу. И звукооператоров. И переводчиков. И сами сделают запись. А когда интервью закончится, отдадут нам пленку. Таковы их условия.

И еще кое-что. В Пакистане вас с Ларри отвезут на машине в определенное место. Потом вы выйдете из машины, и ты, Боб, останешься ждать на месте, а Ларри посадят в багажник другого автомобиля, чтобы доехать до Усамы. Иначе нельзя. Они не могут

допустить, чтобы кто-нибудь хотя бы примерно мог догадаться, где он находится.

Ларри возьмет интервью. Получит запись, потом вновь залезет в багажник. Машина вернется к тому месту, где ты будешь его ждать. Вы с Ларри сядете обратно в самолет и полетите домой».

По окончании разговора Боба уже трясло от возбуждения. Ему очень хотелось сделать это интервью века, но в то же время он страшно переживал из-за возможных последствий: *Ларри перенес уже несколько операций на сердце. А вдруг, когда он будет ехать в багажнике, с ним что-нибудь случится? А что, если его убьют? Или возьмут в заложники? И меня тоже? Но разве можно упустить такой шанс!*

Боб позвонил матери.

«Мам, посоветуй, как быть?»

Мать заинтересовалась:

«А как долго Ларри придется просидеть в багажнике?»

«Они не сказали».

Боб просто с ума сходил. Он достал всех. Он так разволновался, что уже не мог держать себя в руках. Моему исполнительному продюсеру Венди Уолкер пришлось в конце концов сказать ему, что это первоапрельская шутка, иначе Боб попросту спятил бы или кого-нибудь прикончил.

На самом деле, если бы Боб зашел позавтракать в Nate 'n Al Deli, ему сразу бы стало ясно, что совершенно незачем так нервничать. Джордж, обычно занимающий место с краю, все бы ему разъяснил. «Да ты не успеешь спросить у Ларри, хочет ли он ехать, как он уже будет в багажнике, — мог бы сказать ему Джордж. — И готов спорить, что, когда Ларри соберется в обратный путь, Усама залезет в багажник вместе с ним, чтобы продолжить разговор».

Конечно, это преувеличение. Но одно могу сказать точно: просьба ехать в багажнике меня бы не удивила. Скорее я воспринял бы ее как нечто обычное. Разве что задал бы себе тот самый вопрос, который крутится у меня в голове вот уже пять десятков лет: *А что это я здесь делаю?*

Этими словами описывается вся моя жизнь.

Ей-богу, временами я чувствую, будто попал в сказку. Хочется ущипнуть себя, чтобы заставить поверить в то, что малыша Лар-

ри Зайгера из Бруклина передают на 22 300 миль в космос, где он отражается от спутника, чтобы потом какой-нибудь житель Тайваня или любой из 200 стран и территорий мира мог наблюдать, как я пристаю к людям с вопросами.

Неужели это я, никогда не учившийся в колледже, учредил стипендиальный фонд на миллион долларов в Университете Джорджа Вашингтона? Это я попал в аварию с Джоном Кеннеди¹ и хорошо знаком со всеми президентами, начиная с Никсона²? Это мне пел Фрэнк Синатра в артистическом фойе? И это я гулял с Мартином Лютером Кингом-младшим³, а потом беседовал с его убийцей? Это мне звонил король Иордании, когда я обедал в Беверли-Хиллз в ресторане мистера Чау? И это мои сыновья, которые родились, когда мне было уже под семьдесят, нарядились на Хеллоуин в «костюм Ларри Кинга» с подтяжками?

Не-е-ет. Тот малыш Ларри Зайгер, которого я помню, сидел дома и слушал в 1949-м по радио репортаж об игре «Всех звезд» на стадионе Эббетс-филд, потому что у него не было денег на билет. И как так получилось, что сорок лет спустя я гулял по стадиону во время тренировки «Всех звезд», а игроки просили автограф... у меня?

Нет, такого просто не могло быть. Ларри Зайгер, который видел, как народ на бруклинских улицах плакал, узнав о смерти Франклина Рузвельта⁴, никогда и не мечтал о том, чтобы попасть в Овальный зал. Но Ларри Кинг был там не раз. И однажды в Белом доме, когда я беседовал с Хиллари Клинтон⁵, сидя под портретом Элеоноры Рузвельт⁶, и вскользь упомянул о том, что брал у Элеоноры интервью, именно Хиллари была этим приятно поражена.

Неужели правда, что Михаил Горбачев пришел на встречу со мной в подтяжках? И толпа студентов во Флориде скандировала: «Лар-ри! Лар-ри! Лар-ри!», когда я брал интервью у Джона

---

¹ 35-й президент США.

² 37-й президент США.

³ Борец за гражданские права черных в США.

⁴ 32-й президент США.

⁵ Супруга Билла Клинтона, 42-го президента США, в настоящее время — Государственный секретарь США.

⁶ Американский общественный деятель, супруга 32-го президента США.

Маккейна¹ во время последней президентской кампании? А агент Секретной службы действительно повернулся ко мне и спросил: «Может быть, нам стоит охранять вас?»

И я до сих пор удивляюсь, когда нас с моим самым давним другом Гербом приглашают на обед в губернаторский особняк в Нью-Йорке. Представьте: входит дворецкий и интересуется: «Не желают ли господа аперитив, прежде чем отправиться отдыхать?»

Аперитив? Кто вообще знал такие слова в кондитерской лавке Мальца?

Хотя, думаю, Марио Куомо², который нас приглашал, понимал, насколько все это невероятно. Может, поэтому, вручая мне награду на острове Эллис, которая дается потомкам иммигрантов, он рассказал такой анекдот:

«Как-то раз Ларри Кингу подарили отрез на костюм. Ларри отправился к портному в Майами и попросил сшить костюм с двумя парами брюк.

— Простите, Ларри, — сказал портной, — но этого материала не хватит на двое брюк.

Тогда Ларри отправился к другому портному, в Вашингтон.

Портной измерил ткань и покачал головой.

— Извините, — сказал он, — на вторые брюки здесь не хватит.

Ларри попытался добиться того же в Лос-Анджелесе. С тем же результатом.

В конце концов Ларри поехал на родину, к своему старому бруклинскому портному.

— Да, конечно, — сказал старый бруклинский портной. — Я сошью вам костюм с двумя парами брюк и жилеткой.

— Но как это у вас получится? — спросил Ларри.

— Знаете, — ответил портной, — здесь, в Бруклине, вы не настолько большой человек».

---

¹ Основной кандидат от республиканцев на выборах президента США 2008 года; потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

² Губернатор штата Нью-Йорк в 1983–1994 годах.

Глава 2

ДЕВЯТЬ КНИЖЕК

Я возвращался домой из библиотеки и нес девять книг. По крайней мере так это сохранилось в моей памяти. На самом деле я не уверен, что книг было именно девять. Может быть, мне просто так кажется, потому что мне тогда было девять. А это я знаю точно, потому что точно помню дату — 9 июня 1943 года. В тот летний день я нес под мышкой внушительную стопку книг, потому что любил читать. Не знаю, что стало потом с этими книгами...

Перед нашим многоквартирным домом стояло три полицейских автомобиля. Мы называли их «жестянками». Не помню в точности, в какой момент я услышал крики своей матери. Но, когда я уже спешил вверх по лестнице, мне навстречу вышел полицейский. Он поднял меня на руки, книги разлетелись.

Я не уверен, был ли знаком с этим полицейским. Но это вполне возможно. Долгое время, до того как началась война и отец отправился работать на оборонный завод, он владел маленьким баром и закусочной по соседству. Все местные полицейские были его приятелями. Они любили моего отца, как и любого другого владельца бара с хорошим чувством юмора. У меня появилась собственная полицейская форма, когда я был еще совсем маленьким. С жетоном и дубинкой. Я изображал, что несу ночное дежурство.

Полицейский посадил меня в машину и сообщил, что мой отец умер. От сердечного приступа.

Я не плакал. Это я хорошо помню. Я был будто в тумане. Наверное, полицейский не знал, что ему делать. Он завел двигатель и повез меня куда-то. Мы колесили по улицам Браунсвилля и в конце концов оказались в кинотеатре.

Никогда не забуду фильм, который мы смотрели тогда, — «Батаан» с Робертом Тейлором в роли сержанта Билла Дейна. В фильме

рассказывалось о горстке американских солдат, которые пытались противостоять японскому вторжению на Филиппины.

Отряд сержанта Дейна должен был подорвать мост, чтобы остановить вражеское наступление. Солдаты гибли один за одним, пока не остались только сержант и еще двое. Первого подстрелил снайпер. На второго бросился японский солдат, притворявшийся мертвым. Фильм заканчивался кадрами, в которых сержант Дейн расстреливал из автомата приближающихся японцев в последнем порыве героизма, и пули летели прямо в камеру.

Не помню, что я чувствовал, когда наконец оказался дома в тот день. Из памяти стерлось многое, что произошло в тот день. Точно так же, как и у моего младшего брата Марти. Ему тогда и было-то всего шесть лет. Но кое-что, связанное с этими событиями, я все же помню.

Я не пошел на похороны. Я очень любил отца, но на похороны идти отказался. Я остался дома. Наверное, кто-то остался присматривать за мной, но я помню, что был один. Помню, что играл у подъезда, стуча мячиком по ступенькам.

Точно помню еще две вещи. Я больше никогда не ходил в ту библиотеку, и с тех пор вид полицейских машин около нашего дома заставлял мое сердце подпрыгивать. Если я видел хоть одну из них у подъезда, я бросался домой со всех ног в ужасе, что умерла моя мать.

Глава 3

МАМА И РАДИО

Помните старый анекдот? Мальчик застаёт мать и отца за занятиями любовью.

Мальчик кричит: «О, Господи!» — и выбегает из комнаты.

Отец говорит матери: «Пойду-ка я успокою его».

И вот отец идет следом за мальчиком, но не находит того в своей комнате. Вместо этого сын оказывается в комнате у бабушки, в постели вместе с ней.

«О, Господи!» — восклицает отец.

На что мальчик отвечает: «Ну, теперь ты понимаешь, каково это — видеть, как кто-то спит с твоей матерью».

Любому ребенку трудно увидеть в своей матери молодую женщину. Моя мать была для меня *мамой*, а не Дженни Зайгер. Хотя я знал, что матери приходится тяжело после смерти отца, но лишь много лет спустя я смог на самом деле понять это. Жизнь у Дженни была очень тяжелой.

Я помню, как она рассказывала мне о своем самом раннем воспоминании. Это был страх — страх перед проверкой глаз на острове Эллис¹.

В музее острова Эллис я видел снимки набитых людьми кораблей, прибывавших в Америку. Но я все равно не могу себе представить, что чувствовала она, впервые увидев статую Свободы. Ей было семь лет, и она была самой младшей из семи сестер. Они с матерью прибыли в Штаты на пароходе «Аравия», а был ли с ними их отец, я точно не знаю. Шел 1907 год. Что мог знать о проверке у офтальмолога семилетний ребенок? Наверное, она и не знала, что за болезнь со странным названием ищут доктора. А они искали трахому.

---

¹ Расположен в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка. До 1954 года был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США.

Это очень заразное заболевание глаз часто возникало при большом скоплении народа в антисанитарных условиях. Нередко оно приводило к слепоте, и доктора обнаруживали его по небольшим узелкам на внутренней поверхности века. Но, наверное, семилетняя Шейн Гитлиц знала все, что ей нужно было знать в ее положении: если она не пройдет проверку, ее отправят обратно в Россию.

Как мне объяснить сегодня моим сыновьям, которым восемь и девять лет, через что ей пришлось пройти? Наверняка в ее голове роились тысячи мыслей. *А что, если мои мама и сестры пройдут проверку, а я — нет? Что будет тогда с нами?* Наверняка это было очень тяжело для нее, так же, как и для них. Никто не мог предугадать, что их ждет. Теперь-то мы все знаем. Тех, кто не прошли проверку и были отосланы обратно в Европу, через несколько десятилетий ждало худшее. Сотни евреев из Коломии — города, который в те времена принадлежал Австро-Венгрии, а сейчас принадлежит Украине, того самого города, из которого уехал мой отец, — в 1941 г. были арестованы и уничтожены нацистами. Еще четырнадцать тысяч были сосланы в концлагерь Бельцег.

Не знаю, было ли для семьи моей матери праздником, когда выяснилось, что все они прошли осмотр, или они лишь испытали облегчение. Шейн Гитлиц, прибыв в Бруклин, превратилась в Дженни. Арон Зайгер, прибывший в Америку шестнадцатью годами позже, в 1923 г., на пароходе «Миннекада», превратился в Эдди.

Эдди снял комнату в том же самом доме, где жила семья моей матери. Так они и познакомились. У них не осталось ни одной свадебной фотографии. Единственный факт, который сохранился для истории от дня их свадьбы, — Эдди и Дженни посетили в этот день постановку «Нет, нет, Нанетт». Думаю, это имеет большее значение для фанатов New York Yankees: владелец Boston Red Sox так мечтал скорее поставить эту пьесу, что продал Бейба Рута¹ Yankees.

Дженни и Эдди поженились в 1927 г. Через год Дженни родила сына. А потом обрушилась Депрессия — причем со всех сторон сразу. Их сын, Ирвин, был очень одаренным ребенком. Помню, что мне рассказывали, как Ирвин еще совсем маленьким начал

---

¹ Знаменитый американский бейсболист.

осваивать программу второго класса. В его свидетельстве о смерти указано, что он умер в четыре года. Я даже не могу представить, что было с моими родителями. Ирвин пожаловался, что у него болит живот, но они не успели вовремя отвезти его в больницу, и он умер от аппендицита.

Я родился на следующий год — 19 ноября 1933 года. Я ни разу не видел в доме фотографий Ирвина. Родители никогда не говорили о нем. Потрясение от его смерти выражалось по-другому. Когда мне было три года, я почувствовал себя плохо, у меня разболелось ухо. Я помню, как сидел на заднем сиденье автомобиля, а отец орал шоферу: «Быстрее, быстрее!»

Мои родители вложили всю жизнь в нас с братом. Мать защищала нас сверх всякой меры. Если бы она когда-нибудь написала книгу, то обязательно назвала бы ее «Одевайтесь потеплее». Отец днем и ночью трудился в баре, чтобы как-то подняться и осуществить свою мечту — переехать в Бенсонхерст. Ах, Бенсонхерст! В пяти минутах от Кони-Айленда! Рядом с морем! *Такая* тогда была жизнь. В те времена переезд из Браунсвилла в Бенсонхерст¹ был равнозначен разнице между годовым доходом в пять и шесть тысяч долларов. И все-таки он оставался мечтой.

Мой отец так и не попал в Бенсонхерст. Вместо этого был Пёрл-Харбор. Не знаю, как отреагировала мать на его решение пойти добровольцем после нападения японцев. Все равно это не имело значения. Отца не взяли на фронт по возрасту. Поэтому он продал бар и предложил свои рабочие руки истинного патриота оборонному заводу в Нью-Джерси. Говорят, он упал и умер, не успев досказать какой-то шутки своим товарищам по цеху.

Через две недели после того появления полицейских у нашего подъезда семью ждал новый удар. Умерла бабушка — мать моей матери. Дженни Зайгер в 43 года осталась совсем одна: домохозяйка с двумя детьми. Эдди не оставил никаких сбережений.

По иронии судьбы вскоре после смерти отца его мечта обрела реальность. Одна из сестер матери помогла нам найти маленькую квартирку на чердаке в Бенсонхерсте. Арендная плата составляла,

---

¹ Кварталы Бруклина, одного из районов Нью-Йорка.

кажется, 34 долл. в месяц. Была лишь одна маленькая проблема: у нас не было доходов, из которых мы могли бы платить за жилье.

Мы выживали на то, что потом назвали пособием. К нам в квартиру приходили инспектора и проверяли, что за мясо лежит у нас в холодильнике. Предполагалось, что на наши доходы мы не можем позволить себе мясо приличного качества. Если вы жили на пособие, ваша бедность постоянно подвергалась проверке.

Моя мать была великолепной портнихой. За небольшие деньги она перешивала одежду нашим соседям. Но мы не должны были иметь дополнительного дохода. Если соседи снизу видели, что приближаются инспектора, они бежали к нам, чтобы предупредить, и мы поспешно прятали одежду, которую перешивала мать. Такие мелочи прекрасно запоминаются, когда растешь в бедности.

Вскоре после смерти отца я заметил, что плохо вижу. Вначале учитель пересадил меня на первую парту. Потом мне проверили зрение. Город Нью-Йорк приобрел для меня мою первую пару очков. Осуществлялось это так: в учреждении, которое тогда играло роль нынешнего департамента здравоохранения, тебе выдавали бумагу, с которой нужно было пойти в магазин оптики на 14-й улице в Манхэттене и получить очки бесплатно.

На пособие можно было получить только очки с проволочной оправой. Прозвище «Четырехглазый» и так было достаточно обидным. А проволочная оправка лишь ухудшала положение. Это было клеймо. Каждый, кто видел тебя в этой оправе, знал, что ты из бедных. Я ненавидел эти очки. Много лет спустя подобные оправы вошли в моду. Но вы не увидите ни одной моей фотографии в возрасте старше десяти в таких очках.

Теперь я осознаю, что нет ничего удивительного в том, что я не мог понять в полной мере все, через что пришлось пройти моей матери. Я был слишком занят тем, чтобы заставить ее и всех остальных жалеть меня. Я потерял интерес к учебе — просто перестал читать. Вероятно, книги стали ассоциироваться у меня со смертью отца. Учился я хорошо, даже перескочил через третий класс. И вдруг моя мать стала просить учителей прощать меня за несделанные домашние задания, потому что я слишком подавлен семейной трагедией.

Все остальные плакальщики, читавшие молитвы по усопшим в синагоге Хопкинсона, были не моложе сорока. *Исгадаль в'искадаш ш'мэй рабо...* Я намеренно читал это так, чтобы вызывать жалость. Спустя много лет один мой товарищ-психолог предположил, что причиной этого могла быть обида — обида на отца за то, что он покинул меня. Но тогда я не проводил никакого анализа. Отец был мне другом, и все. Однако другого объяснения я сейчас найти не могу. Почему я не пошел на похороны? Почему не плакал? Ведь мы с отцом были очень близки. Я до сих пор помню, как сидел у него на плече на параде в День благодарения. Почему я стал использовать его смерть для того, чтобы получить какое-то преимущество в глазах других? Стараясь вызвать у окружающих жалость, я лишь проявлял еще большее возмущение его смертью.

Если какой-то мужчина приглашал нашу мать на свидание, мы с братом начинали швыряться вещами и драться, как только он заходил к нам в дом. Мы делали все, чтобы у него не возникло ни малейшего желания вернуться. Позже мы оба сильно об этом жалели. Дженни Зайгер могла бы вновь стать счастливой, и мы тоже получили бы свою долю счастья.

Молодая женщина, потерявшая сына, мужа и мать, не имеющая работы, она одна растила двух мальчишек. Мать научила меня не унывать — и научила на собственном примере. Через какое-то время она пошла работать на швейную фабрику. Денег стало ненамного больше, но мы теперь не зависели от пособия и перестали бояться социальных инспекций.

Я никогда не видел, чтобы мать покупала что-нибудь для себя. Она жила ради сыновей. Каждый день в одно и то же время она готовила и подавала нам обед. Бараньи отбивные, прожаренные, сочащиеся жирком. Телячьи котлетки в сухарях. Каша. Картофельный кугель, за который не жалко и жизнь отдать. Мать не знала, что ее блюда были «умело приготовленным путем к инфаркту». Если хотите понять, на что была похожа восточно-европейская еврейская кухня, можете посетить *Sammy's Roumanian Steak House* на *Лауэр-Ист-Сайд* в Нью-Йорке. Еда там замечательная. Но перед уходом вам обязательно дадут *Bromo-Zeltzer*.

Нетрудно догадаться, почему в еврейских ресторанах такие большие порции и почему в моей семье еда была всем. Много веков подряд в жизни евреев не было никакой стабильности. В любой момент у них могли отобрать и имущество, и жизнь, и любая трапеза могла оказаться последней. Поэтому еда должна была быть превосходной, и съесть ее было необходимо всю, до последней крошки. Таков был закон жизни. Второй причиной, по которой полагалось ничего не оставлять на тарелках, было существование людей, у которых не было возможности хорошо питаться. Выбрасывать пищу, когда кто-то голодает, считалось кощунством.

Мать воспринимала как личное оскорбление, если мы что-то оставляли на тарелках. Даже если весь обед был съеден, но оставался маленький кусочек вишневого пирога, она говорила: «Ешьте, не расстраивайте меня». Я не помню, чтобы мать когда-либо ела вместе с нами. Она готовила, накрывала на стол, садилась и смотрела, как мы едим. А потом уносила тарелки.

Самое яркое воспоминание о ней относится к тому времени, когда я уже стал звездой на радио и смог забрать ее в Майами. Может, причина в том, что мне хочется помнить ее счастливой. Я до сих пор вспоминаю, как мать подавала мне бараньи отбивные.

«Тебе понравилось?»

«Изумительно, мам».

«А спроси-ка, как мне достались эти отбивные».

«И как же, мам? Как они тебе достались?»

«Я пошла к мяснику, посмотрела на отбивные в витрине, и они мне не понравились. Какие-то, знаешь, совершенно невзрачные. Я спросила у мясника:

— Это все, что у вас есть?

И он сказал:

— Да, госпожа. Не хотите, не берите.

Тогда я сказала:

— Может быть, вы знаете моего сына?..

— А кто ваш сын?

— Ларри Кинг.

— Ваш сын — Ларри Кинг?!

И он повел меня в кладовку. Вот как достались мне эти бараньи отбивные».

Такая у меня мать! Она всегда находила чем гордиться и всегда доставала для меня самое лучшее, что только могла.

Когда я был ребенком, нам помогала еще одна женщина. Мы звали ее тетей Беллой. Но она не была нам родной теткой. Родом она была из Шотландии. Мы звали ее тетей, потому что любили ее. Она была совсем старенькая. Ее отец участвовал в гражданской войне, и у нее сохранилось письмо, которое он получил от президента Линкольна. Тетя Белла готовила нам обед и присматривала за нами, пока мать была на работе. Однажды на Рождество какой-то ее родственник, одетый Санта-Клаусом, спустился по нашему дымоходу прямо у нас на глазах. В нашей «кошерной» квартире устраивалась рождественская елка, чтобы тетя Белла чувствовала себя как дома. Для нас она была членом семьи.

Но ни мать, ни тетя Белла, вместе взятые, не могли заменить мне отца. Да и подзатыльники давал мне только отец.

Вот одно из моих самых живых детских воспоминаний. Это случилось после того, как я свалился с забора с железными пиками у нашего дома. Я сломал руку и оставался дома. Однажды, когда я сидел перед подъездом, подъехала большая черная машина.

«Эй, малец, поди-ка сюда».

Меня, наверное, миллион раз предупреждали, чтобы я держался подальше от незнакомцев. А самым страшным грехом было подойти к незнакомцу в машине, который к тому же предлагал конфеты. Я приблизился на шаг, думая, что в любом случае еще смогу убежать.

Человек вышел из машины и открыл багажник. Если бы я увидел там конфеты, то тут же бы убежал. Но любопытство пересилило, и я заглянул внутрь. Конфет там не было. Там были комиксы. Полный багажник комиксов. А я так их любил!

«Я сказал сыну, что если он снова будет плохо себя вести, то отдам комиксы первому встречному мальчику, — сказал мужчина. — Ты — первый, кто мне встретился».

Я забрал комиксы и поднялся в квартиру.

«Папа, гляди!» — воскликнул я, зайдя домой.

«Откуда у тебя это?»

«Ко мне подъехал человек на машине».

«И ты подошел к машине?»

«Ага».

«Что я говорил тебе о незнакомых людях?»

«Но...»

Хлоп!

В другой раз я прогулял школу. К обеду вернулся домой как ни в чем не бывало и присоединился к сидящим за столом домашним.

«Как дела в школе?» — спокойно спросил отец, зачерпывая ложкой суп.

«Хорошо».

Хлоп!

Я так и полетел со стула.

«Эдди! — воскликнула мать. — Что ты делаешь?»

Кто-то видел меня на улице во время занятий и специально зашел к отцу в бар, чтобы рассказать ему об этом.

«Не ври!»

Говорили, что наказанием отец выражал свою любовь к нам. В моей жизни были и другие моменты, когда отцовские подзатыльники пришлось бы кстати. Но любовь матери не подкреплялась наказаниями. Самой большой ошибкой было то, что ей всегда было жаль меня, и этим она меня портила. Даже если бы я ограбил банк, она, вероятно, сказала бы в полиции: «Может быть, кто-то выписал ему неверный чек? Наверное, у моего сына была причина это сделать».

Она оправдывалась, извинялась и старалась вытащить меня из любых неприятностей, в которые я умудрялся попасть. В результате я попадал в новые, потому что знал, что она вытащит меня и из них. На протяжении многих лет рядом со мной появлялись люди, которые пытались заполнить пустоту, оставшуюся после смерти отца. Не знаю, чувствовали ли они всю глубину моей потери. Хороший вопрос. И все же эта пустота оказалась заполнена, но не человеком. Заполнило ее радио.

С радио начинался и заканчивался каждый мой день. У меня был темно-коричневый приемник «Эмерсон» с полукруглым верхом

и динамиками с двух сторон. Иногда мы вместе с матерью и братом усаживались около него и смотрели на динамики, из которых лился звук. Сейчас это звучит нелепо. Что мы делали, включив радио? Да ничего. Мы просто на него смотрели.

Я порой воспроизводил разные шоу, делая свой голос как можно ниже. *Кто знает, какое зло таится в людских сердцах? Тень знает это...* Тень не была невидимкой. У нее была власть так затуманить разум человека, чтобы он не мог ее видеть. Она научилась этому искусству в Индии. Это была программа Капитана Полночь. Все мы, члены клуба Капитана Полночь, владели искусством расшифровки его посланий. *А теперь, парни, вот вам послание на завтрашний день. Тридцать шесть.* Мы начинали расшифровывать. Т — пятнадцать. Е... *Ужас ждет вас завтра у Кааааааапитана Полночь!*

Тогда еще не было телевидения. Но слушать радио более интересно, чем смотреть телевизор, потому что можно представить себе любые картины. Когда мы слышали, как опускается молоток судьи, то рисовали более захватывающие картины, чем если бы видели это. Я помню, как много лет спустя разговаривал об этом с Родом Серлингом, автором «Сумеречной зоны»¹.

«Часто думают, что на радио сценарии были лучше, чем на телевидении, — сказал он. — Это не так. Просто радио давало простор воображению. Например, я пишу сценарий радиопостановки. “На вершине холма высится темный, наводящий ужас замок”. Мысленно можно представить этот замок каким угодно. Если я напишу то же самое в телесценарии, ко мне обязательно кто-нибудь подойдет и спросит: “Мистер Серлинг, каким именно должен быть этот замок? На башнях должны быть острые шпили?”»

Я превратился в радиоманьяка. Я знал программы передач всех станций. В раннем возрасте одним из моих любимых было шоу «Дядюшка Дон». Это была прекрасная передача для детей. По воскресеньям он разыгрывал смешные сценки своим удивительным голосом. У меня даже была копилка дядюшки Дона — желто-зеленая, с его портретом: «Детишки, не забывайте копить денежки». Я любил дядюшку Дона. И его песенку:

---

¹ Научно-фантастический телесериал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru